Александр Мироненко

ТИХИЙ СВЕТ

КНИГА ПЕРВАЯ

Она должна жить рядом с ним,
чтобы он не сгорел

18+

Александр Мироненко

Тихий свет

«Автор»
2026

Мироненко А. А.

Тихий свет / А. А. Мироненко — «Автор», 2026 — (Тихий Свет)

Она должна жить рядом с ним, чтобы он не сгорел. Он должен отпустить её, чтобы не сгорела она.Люмен — город в кратере, где свет добывают из людей. Светоносцы сияют за весь город. Якоря держат их рядом с собой — и платят за это тихими ожогами, здоровьем и именами, которые система записывает номерами.Врач Мира Сорин выходит за наследника дома Люмена Элиана не по любви и не по своей воле. По контракту она обязана находиться рядом с мужем, чьё сияние убивает людей во сне. Элиан верит, что уже погубил одного Якоря. Мира намерена доказать: она не лекарство, не расходник и не строка в реестре.Но чем дольше она лечит его руки, читает чужие карты и слышит имена, которых нет в официальных книгах, тем яснее становится: в Люмене страшнее всего не свет. Страшнее — список из сорока семи живых людей, которых город решил спрятать до весны.Брак по контракту. Вынужденная близость. Опасный наследник, врач с характером и город, где любовь начинается с права сказать «нет».

© Мироненко А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 20
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Тихий свет

Глава 1

«Каэль Аурель, глава дома. Смерть зарегистрирована. Причина: сердце».

Каэля Аурель хоронили при закрытых ставнях, чтобы город не видел, как мало света осталось в доме его имени.

Мне сказали: подпишешь контракт и уедешь до вечернего подъёмника.

Я стояла у стены в чужом траурном зале, с медицинской сумкой у ног и брачным контрактом в папке, и считала не молитвы, а выходы. Две двери. Одна лестница вниз, к служебному лифту. Окна закрыты стеклянными плитами, за ними — белая метель и башни Фароса, тусклые, как зубы старого города.

В Люмене не бывает лета. Бывает долгая зима, короткая оттепель и разговоры старших о времени, когда небо якобы умело быть тёплым. Я в это не верила. Я верила в пульс, в температуру кожи и в то, что любая бумага становится ловушкой, если подписать её не читая.

Гроб стоял в центре зала — стеклянный, тяжёлый, с медными углами. Каэль лежал внутри в тёмном мундире дома, руки сложены на груди, лицо спокойное и совершенно пустое. От Светоносца после смерти не остаётся сияния. Только тело, которое надо быстро записать, пока люди не начали задавать вопросы.

Реестровый писарь читал ровным голосом:

— Аурель, Каэль. Глава дома. Смерть зарегистрирована. Причина: сердце.

— У него было имя, — сказала Сера.

Она произнесла это не писарю. Скорее залу. Чтобы все запомнили: вдова умеет скорбеть правильно.

Сера Аурель стояла по правую руку от гроба в чёрном платье без украшений. Ни вуали, ни слёз. Волосы убраны так гладко, что казалось, скорбь ей выдали по размеру и она не посмела отказаться. Она была красива той спокойной красотой, которая не просит внимания, потому что давно привыкла им распоряжаться.

По левую руку стоял её сын.

Элиан Вейр. Наследник. Светоносец. В медицинской школе нам показывали его показатели на лекциях по опасной физиологии, не называя имени. Все и так знали.

Он был бледен не от горя — от света. Сияние проступало под кожей тонкими прожилками: у горла, на висках, вдоль скул. В обычном человеке кровь ищет сердце. В нём свет искал выход.

Я заметила это раньше, чем его лицо. Врачебная привычка: сначала то, что может убить.

Потом уже увидела лицо — резкое, усталое, слишком неподвижное. Тёмные волосы. Чёрный мундир без знаков траура. Левая рука в перчатке зажата в кулак. Правая лежит на краю гроба, открытая, с длинными пальцами. На коже между большим и указательным — тонкая светящаяся трещина, как на фарфоре, который уже уронили, но ещё не разбили.

Он смотрел не на отца. На писаря.

— Причина: сердце, — повторил писарь, чуть громче, будто Элиан не расслышал.

— Сердце у него было, — сказал Элиан. — Вы проверяли?

В зале стало тише. Даже метель за ставнями словно отступила от стекла.

Сера не повернула головы.

— Продолжайте, — сказала она.

Писарь опустил глаза к листу.

Я поняла, что похороны здесь — не прощание. Это заседание, на которое принесли тело.

Совет сидел полукругом: Меридиан в сером, Елена с папкой у колен, Арсена в военном чёрном, с короткими седыми волосами и лицом человека, который даже горе считает в потерях, Фарос у сигнального столика, где стеклянный валик медленно записывал церемонию, Веспер у стены, слишком близко к дверям, как все, кто привык продавать выходы.

Слуги двигались между ними бесшумно, разнося горячее питьё в металлических чашках. Напиток пах золой и мёдом. Для успокоения нервов. Для Светоносцев — почти яд, если переборщить.

Элиана золой не успокаивали. Наверное, боялись, что он просто сгорит тише.

Он вдруг вдохнул — коротко, через зубы.

Свет под его кожей вспыхнул ярче.

Сначала никто не двинулся. В домах Светоносцев люди умеют не замечать очевидное, пока оно не станет приказом. Чашка в руке слуги дрогнула. Пар поднялся выше. Напиток в ней засветился изнутри, будто кто-то поднёс к стеклу свечу.

— Наследник, — тихо сказала Сера.

Это было не предупреждение. Это было напоминание о должности.

Элиан поднял правую руку от гроба. Трещина между пальцами раскрылась светом. Стеклянный валик Фароса щёлкнул и дал сбой. Писарь попятился. Слуга с подносом — совсем молодой, почти мальчик — попытался удержать чашки и сделал худшее, что можно сделать рядом со вспыхивающим Светоносцем: побежал.

Свет ударил без звука.

Не молния. Не пламя. Белая трещина воздуха — и край подноса вспыхнул, чашки полетели, горячий напиток брызнул слуге на рукав. Мальчик вскрикнул. Запахло палёной тканью и мёдом.

Я не думала. Сумка осталась у стены. Тело само сделало то, чему его учили три года в приёмных покоях: вперёд, к источнику, остановить кровотечение, пожар, панику — в любом порядке.

— Смотри на меня, — сказала я.

Элиан повернул голову.

Глаза у него оказались светлые, почти прозрачные, и в них не было безумия. Это пугало сильнее. Там было усилие. Голое, злое усилие человека, который держит дверь, а за дверью уже ломятся.

— Не подходи, — сказал он.

— Ты уже горишь.

— Я знаю, как я горю.

— Тогда помоги мне.

Его правая рука дрожала в воздухе. Свет стекал по пальцам, как вода по раскалённому металлу. Я протянула ладонь и остановилась на расстоянии вдоха. Не потому, что боялась обжечься. Хотя боялась. А потому, что видела в его карте слово «нестабилен» и слишком хорошо знала, что делают с людьми, которых хватают без спроса.

— Можно? — спросила я.

Зал, наверное, решил, что я сошла с ума. Спрашивать разрешения у наследника дома Аурель посреди похорон его отца.

Элиан посмотрел на мою руку. Потом — на слугу, который зажимал обожжённый рукав и старался не плакать при господах.

И повернул запястье ко мне.

Я взяла его за руку.

Мир стал простым: кожа, жар, пульс.

Пульс у него был чудовищный — сто сорок, сто пятьдесят, с провалами. Свет не бил меня током, как в учебных описаниях. Он вошёл в ладонь теплом, поднялся по запястью и встал где-то под рёбрами, будто моё тело само знало дорогу. Я сжала его пальцы чуть крепче.

— Дыши со мной. Вдох. Два. Три. Четыре. Выдох.

— Я не ребёнок, доктор Мира.

Он знал моё имя. Разумеется, знал. Меня сюда не случайно привезли.

— Тогда дыши как взрослый. Медленно.

Свет дрогнул.

— Твоя мать учила тебя считать? — спросила я, чтобы удержать его в голосе.

— Моя мать учила меня не падать при свидетелях.

— Хорошая школа. Вдох.

Он вдохнул. На выдохе сияние ушло из-под кожи у горла. Трещина между пальцами не исчезла, но стала тоньше. Слуга у стены всхлипнул и тут же зажал рот ладонью. Елена Меридиан что-то записала. Я заметила краем глаза: время начала, время конца. Даже чудо здесь сначала становилось строкой в журнале.

Я ещё держала его руку, когда поняла, что в зале никто не смотрит на гроб.

Смотрели на нас.

Не на наследника, который едва не сжёг слугу на похоронах отца. На меня.

На мою ладонь, в которой гас Светоносец.

Мне захотелось немедленно отпустить его. Я не отпустила, пока пульс не опустился до ста десяти. Врач не бросает пациента на середине счёта только потому, что аудитория начала делать выводы. Хотя именно тогда надо было бежать.

— Достаточно, — сказал Элиан.

Я разжала пальцы.

Его кожа остывала быстро, как камень у окна. На моём запястье остался бледный отпечаток тепла. Не ожог. Хуже: след.

— Спасибо, — сказал он.

— Не мне. Ему. — Я кивнула на слугу. — У него ожог второй степени, если повезёт. Дайте холодную воду и не мажьте золой, пока не посмотрит врач.

Сера посмотрела на слугу так, будто только сейчас вспомнила, что у него есть рука.

— Уведите, — сказала она. — И врача дома к нему.

Слугу увели. Писарь стоял с листом, не зная, можно ли продолжать хоронить человека после того, как его сын чуть не устроил пожар. Фарос перезапускал валик. Елена закрыла папку. Щёлчок прозвучал в тишине слишком громко.

— Продолжим в малом зале, — сказала Сера. — Церемония завершена.

Никто не возразил. Каэля оставили одного за стеклом, с правильной причиной смерти и без единого человека, который смотрел бы на него дольше, чем требует приличие.

Меня повели не к выходу.

Малый зал был теплее и меньше. Там пахло деревом, чернилами и старыми батареями. На столе лежало два экземпляра контракта. Один — перед Серой. Второй — перед пустым стулом.

Перед моим.

— Садитесь, доктор Мира, — сказала Сера.

Элиан остался стоять у окна. Ставни здесь были приоткрыты, и полоска дневного света лежала на полу между нами. Он стоял так, чтобы не касаться её босыми пальцами света под кожей. Смешная осторожность для человека, который мог сжечь комнату.

Я села и открыла папку.

Контракт я уже читала. В медицинской школе мне дали сутки на размышление, будто у дочерей осуждённых врачей бывает выбор. Брак с наследником дома Аурель. Медицинское

сопровождение. Проживание в доме. Статус жены. Реестровый надзор. Красивые слова, под которыми пряталось простое: моё тело оказалось совместимо с его телом по тестам, проведённым без моего ведома.

Но теперь я читала медленнее.

— Отдельная комната, — сказала я. — Дверь запирается изнутри.

Сера едва заметно подняла брови.

— Вы жена наследника.

— В контракте написано «медицинское сопровождение». Комната отдельная.

— Хорошо.

— Жалование — на мой счёт в банке медицинской школы. Не на счёт дома.

— Вы не доверяете дому, в который входите?

— Я не доверяю ни одному дому, куда меня привозят с готовой папкой.

Элиан у окна издал звук, который при желании можно было принять за смешок. Сера не обернулась.

— Дальше, — сказала она.

— Доступ в библиотеку и медицинский архив дома. Без сопровождения.

— В пределах разумного.

— Запишите «без сопровождения». «Разумное» у каждого дома своё.

Писарь посмотрел на Серу. Она кивнула.

— И главное, — сказала я. — Никаких лабораторных процедур с наследником без моей подписи. Никаких снятий, никаких седативных схем, никаких «разовых исключений» ночью. Если я говорю, что процедура его убьёт, её не проводят.

Вот тут Сера впервые посмотрела на меня не как на полезную вещь, а как на помеху, которую надо оценить заново.

— Вы берёте на себя большую ответственность, доктор.

— Я беру на себя пациента. Ответственность вы уже распределили без меня.

Элиан молчал. Его правая рука лежала на подоконнике. Та самая, которая минуту назад светилась трещинами. Теперь она была спокойна. Левая, в перчатке, оставалась сжатой. Я заметила: правая у него — для людей и подписей. Левая — для всего остального.

— Это всё? — спросила Сера.

— Нет. Если контракт расторгается, браслет снимают при мне, и я уезжаю из Люмена первым подъёмником.

В комнате стало очень тихо.

— Этот пункт мы обсудим после испытательного периода, — сказала Сера.

— Запишите, что он был заявлен.

— Зачем?

— Чтобы потом никто не сказал, что я не просила.

Писарь записал. Он писал быстро, стараясь не поднимать глаз. В Реестре любят людей, которые сами дают формулировки для собственного отказа.

Сера подвинула второй экземпляр к Элиану.

— Подписывай.

Он подошёл к столу. От него пахло холодным воздухом, золой и чем-то чистым, как снег на раскалённой плите. Он не сел. Взял перо правой рукой и подписал брачный контракт не читая — ни моих условий, ни своих обязанностей, ни одной строки.

Слишком легко.

Так подписывают не согласие. Так подписывают давно решённое.

— Вы забыли попросить выход, — сказал он, не глядя на меня.

— Я попросила.

— Вы попросили, чтобы это записали. Это не одно и то же.

Я встретила его взгляд.

— А вы забыли прочитать, на что подписались.

— Я знаю, на что я подписался, доктор Мира.

— Тогда почему не спорили?

Он положил перо точно параллельно краю листа. Жест человека, который умеет быть аккуратным, когда внутри всё рушится.

— Спорить с собственной клеткой лучше после того, как дверь закроют. Меньше свидетелей.

Сера встала.

— Достаточно, — сказала она.

Но было уже не достаточно. Я поняла это по тому, как она смотрела не на сына, а на мою руку, которую всё ещё грело чужим теплом под кожей.

Она повернулась к писарю и произнесла спокойно, как новую строку в журнал:

— Запишите. Исключительная совместимость. Её нельзя отпускать из города.

Писарь записал.

И только тогда я поняла, что подписала не брак.

Назначение.

Глава 2

Элиан

После похорон отца меня отвели не отдыхать, а оценивать.

Правая рука всё ещё хранила чужое тепло. Под кожей ныло — не ожог, а память о нём. Я сжал пальцы, и трещина между большим и указательным отозвалась так, будто кто-то провёл по ней ногтем изнутри.

В малом зале Совета уже убрали траурные ленты. Гроб вывезли через служебный ход, стулья поставили полукругом, на стол положили чистые листы. В Люмене умеют быстро превращать смерть в повестку.

Меня посадили ближе к окну, подальше от батарей и людей. Забота, оформленная как мера безопасности.

Елена Меридиан открыла папку.

— Вспышка. Шесть секунд до контакта. Один пострадавший: слуга, ожог предплечья. Срыв записи. Если бы доктор Мира не вмешалась, мы бы сейчас обсуждали не наследование, а локализацию пожара.

— Ресурсы либо работают, либо их списывают, — сказала генерал Арсена.

Она смотрела не на меня. На повреждённый стеклянный валик Фароса, где чёрная полоса съела шесть секунд церемонии.

Елена наклонилась через стол, чтобы указать на эту полосу, и оказалась слишком близко к моей стороне. Мать, не глядя на неё, коснулась двумя пальцами манжеты Елены и спокойно вернула её руку на её половину стола.

Елена заметила. Все заметили. Мать умела обозначать границы так, что это выглядело помощью.

— Доктор Мира должна быть обследована, — сказала Елена. — Она вступила в контакт с нестабильным Светоносцем и погасила вспышку без предохранителей. Мы обязаны понять механизм.

— Дом Аурель может приватизировать свою невестку, — сказала мать.

Не жену. Не человека. Невестку. Актив, который уже внесли в семейный реестр.

Фарос положил ладонь на испорченный валик.

— Город услышит версию до вечера. Вопрос только, чью.

Вот так в Совете говорили о моём теле: как о пожаре, который надо выгодно назвать.

Томас вошёл с подносом.

Он двигался медленно, не из почтительности — из-за суставов. Пальцы у него были искривлены, ногти тёмные, руки в мелких старых ожогах от батарей и горячих чашек. Он поставил напиток перед матерью, потом перед Еленой, потом подошёл ко мне.

Чашку он развернул ручкой от моей правой руки.

Не ко мне левой. Именно от правой.

Я посмотрел на него. Томас смотрел на стол. Слуги в доме Аурель рано учатся выбирать безопасный объект для взгляда.

— Боишься правой? — спросил я тихо.

— Я чашки ставлю, господин. Не диагнозы.

— Ты всегда ставил ручкой ко мне.

— Вы всегда брали правой.

Он произнёс это без обвинения. Просто факт, как погода.

Я взял чашку левой рукой. Перчатка скрипнула по металлу. Напиток пах золой и мёдом. Я не стал пить.

— Твой сын мог бы выбить тебе отставку, — сказал я. — Реестр своим помогает.

Томас впервые поднял глаза. Не на моё лицо — на мою левую руку, которая держала чашку неправильно и потому честно.

— Сын в Реестре служит. Там учат на людей не смотреть.

Он ушёл раньше, чем я успел понять, была ли это жалоба.

Мать подождала, пока дверь за ним закроется.

— Свадьба завтра, — сказала она. — Публично. Без медицинских пауз и без новых пожаров.

Она посмотрела на остальных так, как смотрят на слуг, которым уже отдали приказ, но ещё позволяют считать, что идёт совещание.

— Наследник сегодня больше не выходит к людям.

Совет поднялся без спора. Когда люди Серы не спорят вслух, это не значит, что они согласны. Это значит, что цену возражения уже назвали где-то в другом месте.

Елена ушла первой, прижимая папку к груди, как щит. Арсена задержалась у окна и посмотрела на город так, будто делила его батареи между полками. Фарос забрал испорченный валик. Веспер не сказал ни слова за всё заседание, уходя, он задержался на секунду у двери и посмотрел на пустое место слуги, которого увели с ожогом. Я не хотел знать, что он успел продать этим взглядом.

Я остался, потому что мать не отпустила меня взглядом.

Когда зал опустел, она открыла ящик стола и достала длинный свёрнутый лист.

— Что это? — спросил я.

— Ты.

Она разворачивала его медленно, как знамя после поражения.

График. Тонкая чёрная линия на желтоватой бумаге, с пиками, провалами и аккуратными пометками врачебной рукой. Возраст семь лет — первый подъём. Девять — падение после болезни матери. Двенадцать — вспышка на уроке. Шестнадцать — резкий пик, и рядом чужим почерком: «персонал, один пострадавший».

Мне было шестнадцать, когда я впервые вспыхнул при свидетелях и сжёг рукав наставнику. Отец не спрашивал, больно ли мне. Он вывел меня в архив, положил передо мной список расходов дома за тот день и ткнул пальцем в строку «компенсация персоналу».

«Политика, Элиан, — сказал он, — это умение выбрать, кем заплатят, и не отвести глаз».

Я тогда решил, что он чудовище.

Позже понял: он просто раньше других называл вслух то, что Совет делает молча.

— Кто вёл это? — спросил я.

— Врачи дома.

— С моего ведома?

Мать посмотрела на график, а не на меня.

— Ты был ребёнком. Потом наследником. Наследникам не всё сообщают.

— Я был телом.

— Ты был будущим дома.

Она положила рядом второй лист — короткий, свежий. Вверху стояло имя: **Сорин Мира**. Ниже — результаты тестов, которые провели без её ведома, и слово, которое я уже слышал сегодня в малом зале: «совместимость».

Три недели назад мать положила передо мной три папки.

Первая — девушка из дома Веспер, обученная молчать и улыбаться. Вторая — вдова офицера Арсены, с безупречной выдержкой и двумя детьми, которых дом мог держать в заложниках хорошего поведения. Третья — Мира. Врач медицинской школы. Дочь Ильяса Сорина.

Я открыл третью папку из-за фамилии.

Ильяс Сорин. Врач, который когда-то отказался подписать снятие и написал трактат о том, что Якорь умирает не от Светоносца, а от способа, которым дом берёт свет. Трактат запре-

тили не сразу. Сначала его автора объявили нестабильным. Потом — изменником. Потом посадили.

В папке дочери трактата не было. Была копия одной старой страницы, изъятой при обыске у медицинской школы. На полях, подростковым почерком Миры, стоял вопрос:

«Если Якорь говорит “нет”, кто обязан это записать?»

Мать думала, я выбрал её из-за медицинской совместимости.

Я выбрал фамилию человека, который однажды сказал дому «нет» — и заплатил за это всем. И вопрос девочки, которая выросла и стала спрашивать разрешения у мужчины, способного сжечь зал.

Тогда это казалось почти планом. Теперь женщина с этой фамилией стояла у гроба моего отца и гасила меня так, будто моё тело не было собственностью Аурель.

Мой взгляд сам вернулся к графику.

Девятнадцать лет — длинное плато. Потом дата, которую я узнал раньше, чем прочитал цифры.

Ночь Анаэля.

Там не было имени. Только время начала, время конца и красная черта, проведённая позже другой рукой.

Красного я сейчас почти не видел. После вспышки цвета уходили в порядке, который Мира объяснила бы лучше меня. Сначала красный становился серым. Потом жёлтый. Мир делался честным и бедным.

Но эту черту я видел. Наверное, потому что знал, где она должна быть.

Мать провела пальцем по последнему пику — сегодняшнему. Линия уходила вверх почти вертикально и обрывалась там, где Мира взяла меня за запястье.

— Шесть секунд, — сказала она. — Ещё немного, и мы бы получили Пожар на похоронах. Знаешь, сколько стоит Пожар наследника в день смерти главы? Дом. Он стоит дом.

— А сколько стоит слуга?

Она наконец подняла глаза.

— Не начинай считать людей, Элиан. У тебя плохо получается останавливаться.

Я посмотрел на два листа рядом. На одном дом с семи лет вёл моё тело. На другом — её имя и чужие тесты. Мать считала, что купила стабильность сегодня, в малом зале, подписью и угрозой.

Она не знала, что я сам положил папку Миры поверх остальных.

Я выбрал, кем заплатят. И не отвёл глаз.

Мать свернула график медленно, как знамя после поражения, и сказала последнее уже без Совета, без генералов и без публики:

— Ты не наследник, пока не стабилен. Стабильность мы купили.

Она была права.

Я не наследник. Я — счёт, который дом ведёт с семи лет.

Глава 3

«Сорин Мира, врач. Браслет № 214. Назначена: дом Аурель».

Свадьбу назначили на полдень, будто боялись, что к вечеру я передумаю.

Я проснулась в гостевой комнате дома Аурель и первым делом проверила дверь. Замок, который запирался изнутри, работал. Это было единственное условие контракта, которое дом исполнил без споров и оговорок.

Руки у меня дрожали. Не от холода и не от страха — от вчерашнего. Я сжала пальцы в кулак, подождала, пока дрожь уйдёт вглубь, и только потом потянулась к платью. Врачам нельзя иметь дрожащие руки на людях. Врачам вообще многое нельзя, если они хотят, чтобы их продолжали считать врачами, а не женщинами с полезными руками.

На стуле лежало свадебное платье. Чёрное, тяжёлое, с глухим воротом и серебряной стеклянной нитью по рукаву. Никакого белого. В Люмене невесты не изображают чистоту. Они изображают принадлежность.

Служанка постучала дважды, предложила помощь и, услышав отказ, оставила завтрак и реестровый браслет в открытой коробочке. Я не притронулась к еде. В животе было пусто и от этого как будто чище. Голод — простое чувство. На него можно не обращать внимания, и оно не превращается в протокол.

Браслет был тонкий, из тёмного металла, без украшений. Снаружи — номер: **214**. Внутри, там, где металл касался кожи, мелко выгравировано имя: **Сорин Мира**.

Номер людям. Имя — коже.

— Его наденут после церемонии, — сказала служанка от двери.

— А если я надену сейчас?

Она испугалась так искренне, что мне стало стыдно.

— Не положено, доктор.

В этом доме многое было не положено. Например, называть меня доктором после того, как меня продали в жёны.

До полудня оставалось больше двух часов. Я взяла медицинскую сумку и вышла в коридор. Служанка сделала шаг следом, потом остановилась: в контракте, который она, разумеется, не читала, было написано, что по дому я могу ходить без сопровождения. Но привычка ходить за людьми здесь была старше любого контракта.

— Лазарет дома где? — спросила я.

— Вам туда не надо, госпожа.

— Мне надо везде, где лежат люди, которых я видела горящими.

Она отвела меня вниз, в служебное крыло, где пахло мокрой золой, льняными бинтами и дешёвым мылом. Лазарет был чистым. Это меня не успокоило. В Люмене чистота часто означала только то, что грязь умеют прятать быстрее, чем в других местах.

Мальчик со вчерашних похорон лежал у окна. Того самого окна не было — ставни закрыты даже днём, чтобы свет города не мешал больным спать. Его правая рука была перевязана от локтя до запястья. Лицо бледное, губы сухие. На тумбочке стояла нетронутая чаша с тем же напитком, что разносили на похоронах: зола, мёд, вода. Для успокоения нервов.

— Ты пил? — спросила я.

Он посмотрел на врача дома, стоявшего у соседней койки. Тот делал вид, что перебирает инструменты.

— Мне сказали, после обеда, — сказал мальчик.

— Болит?

— Нет, госпожа.

Он сказал это слишком быстро. Я положила три пальца ему на здоровое запястье. Пульс частил. Кожа была влажной.

— Если врач спрашивает, болит ли, отвечать надо не госпоже, а врачу, — сказала я. — Ещё раз. Болит?

Пауза стала почти слышной.

— Когда двигаю.

— А когда не двигаешь?

— Тоже. Только тише.

Врач дома наконец поднял голову.

— Ожог поверхностный. Мы дали бы золу, но сестра решила подождать до смены повязки.

— Правильно решила. Зола глушит боль, а мне нужно знать, не идёт ли воспаление глубже.

Я развязала узел. Мальчик не вскрикнул, только задержал дыхание и уставился в закрытые ставни. Под бинтом кожа была красной, с волдырями у локтя и сухим белым краем там, где горячий напиток впитался в рукав. Вторая степень, местами хуже. Я обработала ожог, наложила чистую повязку и велела сестре принести воды без золы.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Мальчик снова посмотрел на врача дома.

— Нам не положено отвлекать господ, госпожа.

— Я не госпожа, я твой врач на ближайшие десять минут.

Он молчал. Не из упрямства. Из выученного страха: имя в устах слуги иногда звучит как просьба, а просьбы слуг в больших домах стоят дорого.

Я взяла карту с изголовья.

На первой строке было написано: **«Слуга № 7. Ожог предплечья. Причина: производственная неосторожность»**.

Производственная неосторожность. Не наследник вспыхнул на похоронах. Не Совет смотрел. Не я не успела раньше. Слуга № 7 был неосторожен рядом с пожаром, который нельзя было называть пожаром.

— Кто писал? — спросила я.

Врач дома пожал плечами.

— Реестровый писарь при лазарете. У персонала служебного крыла карты по номерам смены. Так удобнее для выплат.

— Для выплат человеку нужен номер, — сказала я. — Для лечения нужно имя.

Я достала перо из сумки. Врач дома сделал шаг вперёд.

— Госпожа Вейр, это официальный документ.

— Ещё не Вейр, — сказала я. — И уже не повод писать человека цифрой.

Мальчик вдруг сказал очень тихо:

— Лука.

Я посмотрела на него.

— Что?

— Меня зовут Лука, доктор. Только в карту не надо. Мне потом вычтут за разговорчивость.

Вот как это работает. Не запрещают иметь имя. Заставляют самого просить, чтобы его не записывали.

Я написала над номером: **«Лука, 17 лет. Ожог правого предплечья. Боится потерять жалование за дни лечения»**. Потом ниже, врачебным почерком, который трудно оспорить: **«Боль при движении и в покое. Золу не давать до вечернего осмотра»**.

— Теперь, если вычтут, будет видно, за что, — сказала я.

Лука смотрел на карту так, будто я не помогла ему, а поставила на нём метку.

Возможно, так оно и было.

Когда я вернулась наверх, Сера уже ждала в коридоре у моей комнаты. Она не спросила, где я была. В её доме вопросы задают только тем, кто ещё не понял, что ответы уже получены.

— Вы лечите слуг в день собственной свадьбы, — сказала она.

— Я лечу людей, которых при мне калечат. День подходящий.

— Мальчик будет работать рукой?

— Если дом не заставит его носить подносы раньше срока.

— Дом заставит, если вы не напишете запрет. Вы написали?

— Написала.

Она слегка наклонила голову. Не одобрение. Регистрация нового факта: актив умеет оставлять следы в чужих документах.

— Тогда идите одеваться, доктор. Совет не любит ждать даже ради медицины.

Платье оказалось тяжелее, чем выглядело. Корсет давил под рёбрами, воротник царапал шею сзади. Я дышала глубоко и медленно, как учила пациентов перед болезненной процедурой. Считала вдохи, чтобы не считать выходы. Их всё ещё было два: дверь и служебная лестница. Но браслет в коробочке делал оба выхода почти теоретическими.

Зал для церемонии был тот же, где вчера стоял гроб. Стеклянный пол вымыли, но у окна осталась бледная полоса — след вспышки Элиана. Никто не пытался закрыть её ковром. Наоборот. Гостям следовало видеть, от чего дом покупает защиту.

Гостей было немного. Совет. Несколько семей поменьше. Врачи дома. Писарь с новым стеклянным валиком Фароса: вчерашний, испорченный, уже заменили, как слугу с обожжённой рукой. Только слугу заменить не вышло так быстро: я теперь знала его имя.

Элиан ждал у окна.

Он был в чёрном мундире с серебряной нитью на воротнике. Левая рука в перчатке. Правая открыта, бледная, с тонкой трещиной между пальцами, которая в дневном свете казалась почти царапиной. После вчерашнего он выглядел не отдохнувшим, а собранным из последних сил и злости на самого себя за то, что эти силы вообще нужны.

Когда писарь подал ему документ с алой печатью дома, Элиан посмотрел на неё как на серый кружок воска и отложил, не коснувшись. Красное после вспышки уходит первым. Я запомнила это не как невеста. Как врач, которому скоро придётся жить рядом с чужими потерями цвета.

Священник встал между нами. В Люмене священники давно научились читать не только молитвы, но и приложения к брачным контрактам. У этого был голос человека, который одинаково спокойно освятил бы союз, поставку батарей и смертный приговор, если бы все бумаги были подписаны правильно.

— Дом Аурель и дом Сорин, — начал он.

— Дом Сорин — это я одна, — сказала я.

По залу прошёл короткий шум. Не смех. Нервы.

Сера не повернула головы.

— Продолжайте.

Он не стал читать контракт целиком. В этом не было нужды: мои условия уже жили у меня в зубах, а обязанности дома все в зале знали лучше меня. Он произнёс только формулы, которые требовались для записи: согласие сторон, совместное проживание, медицинское сопровождение, ответственность дома за жену наследника.

Когда он дошёл до строки о двери, запирающейся изнутри, по залу снова прошёл шорох. Даже в церемониальном пересказе право женщины закрыться звучало как неприличие.

Затем священник взял стеклянную нить.

Она лежала на чёрной подушке — тонкая, почти невидимая, с двумя петлями. Её не надевали как украшение. Ею связывали запястья: правое — ему, левое — мне. Правая рука Элиана оказалась совсем близко. Та самая, которой он подписывал контракт. Та самая, которая вчера светилась трещинами.

— Дайте руку, — сказал священник.

Элиан протянул запястье. Не мне. Священнику. Как пациент, который знает процедуру и заранее её ненавидит.

Моя очередь.

Я могла отказаться. Теоретически. В зале, где Совет уже записал меня как стабильность дома, отказ был бы не жестом свободы, а публичной вспышкой другого рода. Я протянула левую руку.

Нить коснулась кожи холодом.

Как только петля затянулась на его запястье, стеклянная нить потеплела. Свет Элиана прошёл по ней тонкой золотой линией и остановился у моей руки. Не ударил. Не обжёг. Словно нашёл границу и стал ждать.

Я почувствовала его пульс через стекло.

Быстрый. Неровный. Ниже, чем вчера, но всё ещё плохой. В середине формулы, когда священник произнёс имя Каэля как умершего главы и основателя нынешнего порядка наследования, пульс дёрнулся вверх. Нить вспыхнула ярче. Несколько гостей невольно отступили от первого ряда.

Я не сжимала его руку. Руки были связаны не так. Я просто перестала дышать вместе с залом и начала дышать отдельно: вдох на четыре, выдох на шесть. Через стекло это передалось ему не сразу. Сначала он напрягся, будто чужая помощь была ещё одной формой контроля. Потом, с видимым усилием, подстроился.

— На собственной свадьбе я предпочёл бы менее медицинскую романтику, — сказал он так тихо, что услышала только я.

— На собственной свадьбе вы предпочитаете не гореть, — сказала я.

— Это спорное преимущество.

— Живите с ним.

Его губы дрогнули. Не улыбка. Признание попадания.

Священник сделал вид, что не слышит. В Люмене священники вообще хорошо делают вид.

Он прочитал формулу союза. Никаких клятв в вечной любви. В городе, где люди умирают по графикам, обещать вечность считалось дурным тоном. Обещали присутствие, защиту дома, совместное несение света и тьмы — в переводе с церемониального: жить рядом, не оставлять одного в темноте и отвечать, если другой начнёт гаснуть слишком громко.

Потом священник поднял браслет.

Писарь начал как положено:

— Браслет двести четырнадцать. Назначена… — он запнулся, встретив мой взгляд, и поправился сам, без приказа: — Сорин Мира, врач. Браслет № 214. Назначена: дом Аурель.

Браслет защёлкнулся на моём запястье. Металл был холодным. Номер смотрел наружу. Имя осталось внутри, у пульса.

— Сорин-Вейр Мира, — объявил священник.

Вот так. Одна фамилия через дефис, и у человека уже другой владелец в документах.

— Скрепите союз, — сказал священник.

Он посмотрел на стеклянную нить, потом на наши лица. По обычаю жених должен был поцеловать невесте руку или, если дом хотел показать особую милость, коснуться губами её лба. Показная нежность для Совета.

Я не двинулась.

Элиан тоже.

— Пропустите, — сказал он.

Священник моргнул.

— Наследник?

— Я сказал, пропустите.

Сера наконец повернула голову к сыну. В зале стало очень тихо. Отказ от ритуального поцелуя можно было записать как холодность брака, как болезнь наследника, как оскорбление дома невесты — у меня не было дома, который мог бы оскорбиться, — или как первую публичную вещь, которую Элиан Вейр не позволил сделать со мной без спроса.

Я не поблагодарила его. Благодарность в тот момент слишком походила бы на сделку.

Нить сняли. Свет в ней погас не сразу, а медленно, будто уходил под воду.

Церемония закончилась. Меня поздравляли люди, которые вчера смотрели, как чужой пожар гаснет в моей ладони, и делали выводы о моей цене. Писарь подошёл, когда я уже отворачивалась от столика Фароса. Он был молодой, с чернилами на пальцах и страхом человека, который слишком хорошо понимает, где именно проходит граница между приказом и совестью.

— Госпожа Вейр, — сказал он тихо. — В реестре я записал как положено.

— Я знаю.

— Но для себя запомнил. Сначала имя.

Он отошёл раньше, чем я успела ответить. Это ничего не меняло. И всё же что-то меняло: имя, произнесённое правильно хотя бы одним человеком, который записывает номера, уже не полностью принадлежит системе.

Елена Меридиан поцеловала воздух рядом с моей щекой. От неё пахло холодным стеклом и антисептиком.

— Завтра к восьми пришлите ваши наблюдения за ночью, доктор, — сказала она.

— Это брачная ночь, Елена.

— Я знаю. Поэтому и прошу.

Она не улыбнулась.

— Если наследник войдёт к вам ночью, я хочу знать его пульс до и после. Если не войдёт, тоже. Отсутствие события — тоже событие.

Это была не просьба. Это был первый лабораторный журнал моего брака.

— Вы получите медицинские сведения, которые касаются безопасности дома, — сказала я. — Не наблюдения за ночью.

— Посмотрим, где вы проведёте границу.

— Уже провела.

Она посмотрела на мой браслет, потом на мою руку, будто граница была написана там и ей оставалось только прочитать.

К вечеру меня проводили в комнаты наследника. Не служанка. Сера.

Она шла впереди по коридору, не касаясь перил, не оглядываясь, уверенная, что я следую. У двери моей отдельной комнаты она остановилась и сама проверила замок: повернула ключ с моей стороны, потом отдала его мне.

— Работает, — сказала она.

— Спасибо.

— Не благодарите. Это редкая вещь в этом доме — обещание, которое можно проверить рукой.

Она посмотрела на смежную дверь, ведущую в спальню сына.

— Если ночью он позовёт, вы вправе не открывать. Контракт не обязывает вас быть лекарством после полуночи.

Это звучало почти как защита. Поэтому я не поверила ни одному слову.

— А если открою?

Сера слегка наклонила голову.

— Тогда дом будет знать, что замок был не главным условием.

Она ушла. Я закрыла дверь. Потом открыла. Потом снова закрыла и оставила ключ в замке.

Я не ела с утра. На столике стоял ужин, накрытый серебряной крышкой: что-то горячее, пахнущее мясом и дымом. Я подняла крышку, посмотрела и поставила обратно. Голод был проще страха. Страх требовал решений. Голод просто сидел под рёбрами и молчал.

Я распустила волосы, сняла платье и повесила его на спинку стула. Чёрная ткань ещё держала форму моего тела, как пустой человек. Браслет не снимался. На коже под ним осталась холодная полоса.

Села с дневником. Записала пульс Элиана во время церемонии. Время контакта через нить. Реакцию браслета на тепло. Потом вычеркнула всё это и написала только:

«Замужем. Не согласна считать это диагнозом».

Дом затих после полуночи.

Я услышала его раньше, чем поняла, что слушаю.

За стеной кто-то встал. Шаги. Остановка. Дыхание — неровное, с паузами не там, где надо. Свет под дверью моей комнаты дрогнул: не яркий, как вспышка, а слабый, больной, будто человек за стеной пытался удержать свечу внутри груди.

В коридоре прошёл слуга. Я узнала мягкие шаги Томаса: он всегда ставил левую ногу тише правой. У двери Элиана он остановился и произнёс формулу, положенную на ночь в домах Светоносцев:

— Да не гаснет.

Пауза.

Ответа не было.

Слуга подождал ровно столько, сколько требовал протокол, и ушёл. Формула без ответа повисла в коридоре, как незакрытая дверь.

Я сидела на кровати, босиком, в чужом доме, с браслетом, имя на котором касалось моего пульса, и слушала, как за стеной человек старается не позвать на помощь слишком громко.

Потом он позвал.

Не слугу. Не врача. Не Якоря.

— Мира.

Тихо. Из темноты за стеной. Так, что если бы я спала, я имела бы право не услышать.

Он не сказал: войди.

Не сказал: помоги.

Не приказал. Не попросил. Только назвал имя — не доктор Мира, не Сорин-Вейр, не браслет двести четырнадцать.

Я подошла к двери и не открыла её. Ладонь легла на холодное дерево. С той стороны стало тихо, будто он услышал мои шаги и теперь ждал, что я решу сама.

Я могла сосчитать его дыхание через дверь. Могла войти. Могла остаться. Все три возможности были хуже, чем мне хотелось.

Я не открыла.

Но и не ушла.

И, ненавидя себя за точность, с которой тело уже выучило протокол, сказала пустой двери:

— Я рядом.

За дверью стало ещё тише.

Потом он сказал, едва слышно:

— Спасибо.

Шаги отошли. Не к двери. Вглубь его комнаты. Он не стал проверять, открою ли я, если подождать дольше.

Я стояла босиком на холодном полу, пока не замёрзли пальцы. Потом вернулась в постель, взяла дневник и попыталась записать время. Перо дрогнуло. Строка вышла кривой.

«Пульс не измеряла. Не могла себя заставить».

Глава 4

«Вейр Элиан, наследник… Иных форм не зарегистрировано».

Элиан

Я не спал в брачную ночь. Это было не самое странное в моём браке, но первое, что дом попытался записать как симптом.

Утром врач дома постучал в мою дверь ровно в семь. Врача звали Орен. Он вёл мой график с двенадцати лет и ни разу не спросил, как я сплю. Он спрашивал, сколько трещин. Под ногтем его большого пальца всегда сидели чернила, как будто он даже во сне продолжал записывать меня. Так стучат люди, которые заранее решили, что внутри находится не человек, а состояние.

— Наследник, ночной отчёт.

Я сидел у окна в рубашке, с босыми ногами на холодном полу, и смотрел, как метель стирает город. После церемонии красный всё ещё не вернулся. Печать на документе матери казалась серой. Золотая нить на воротнике мундира — жёлтой, как старый жир. Мир был выцветшим, зато честным. В нём труднее было притворяться, что кровь и свет — разные вещи.

— Не было события, — сказал я.

— Госпожа Вейр была у двери?

Я вспомнил шаги за стеной. Ладонь, которую не видел, но услышал по тому, как изменилась тишина. Её голос: «Я рядом». Не обещание. Протокол, который она произнесла так, будто ненавидела каждое слово.

— Госпожа Вейр была в своей комнате, — сказал я. — Дверь была закрыта.

— Вы принимали золу?

На столике стояла чаша. Полная. Сера приказала оставить её у кровати, слуга поставил и ушёл. Я всю ночь смотрел, как седативная зола сереет в лунном свете из-под ставней.

— Нет.

Орен сделал запись. Я услышал, как перо царапает бумагу, и понял, что отсутствие события уже стало событием.

— Елена Меридиан просит пульс до и после ночного контакта.

— Контакта не было.

— Она формулирует шире.

— Елена всегда формулирует так, чтобы в её сети помещался человек целиком.

Врач не поднял глаз.

— Что передать?

— Что наследник жив. Этого ей хватит до завтрака.

Он ушёл записывать мою жизнь дальше.

За стеной Мира тоже не спала. Я слышал, как она встала до рассвета, как скрипнула кровать, как вода ударилась о металлический таз. Потом тишина. Потом короткий звук — перо по бумаге. Она писала дневник. Я мог приказать принести мне копию. Мог попросить мать. Мог просто постучать и спросить, что она записала о моём пульсе, которого не измеряла.

Я не постучал.

Это потребовало больше усилий, чем не гореть на похоронах.

В коридоре мы встретились через час.

Она была в тёмном врачебном платье, без свадебной нити, волосы собраны так туго, что лицо казалось строже. Браслет № 214 сидел на запястье слишком свободно. Под глазами — тень. Она стояла слишком прямо.

Так стоят люди, которые не спали и решили, что усталость не повод. Она не ела вчера. Я заметил это и разозлился на себя за то, что заметил как муж, а не как человек, который должен был сказать слугам принести ей еду отдельно от церемониального ужина.

— Доброе утро, — сказал я.

— Для отчёта или вообще?

— Вообще, если получится.

— Тогда доброе.

Она посмотрела на мою правую руку. Я держал её у бока, пальцы разжаты. Трещина между большим и указательным не светилась, но болела от холода.

— Пульс? — спросила она.

— Вы спрашиваете как врач или как жена из протокола Елены?

— Я спрашиваю как человек, который вчера держал вас за запястье при всём Совете. Ответ можно не давать.

— Можно измерять, — сказал я.

Она взяла мою руку двумя пальцами. Не ладонью. Не так, как на похоронах. Профессионально и потому почти оскорбительно бережно.

— Восемьдесят шесть, — сказала она. — Для утра после вспышки хорошо.

— А для мужа?

— Для мужа у меня ещё нет шкалы.

Она отпустила руку раньше, чем я успел решить, хочу ли, чтобы она держала дольше.

— Вы не принимали золу, — сказала она.

— Вы не ели.

— Я не ем утром. Привычка с интернатуры. Не диагноз.

Впервые за утро она посмотрела на меня не как на пациента, а как на человека, который тоже умеет замечать очевидное и не записывать это в карту.

— Вас проводят в малую столовую. Там меньше свидетелей.

— А вы?

— Я ем, когда дом разрешает считать меня безопасным за столом.

— Тогда мы оба под наблюдением.

Она ушла к лестнице. Я стоял и слушал, как её шаги становятся тише, и думал, что брак в доме Аурель начинается не с общей постели, а с общей системы наблюдения.

В десять мать вызвала нас в сигнальную комнату.

Комната была узкая, без окон, с матовой стеклянной пластиной в стене и набором шторок Фароса. Такие пластины ставили между спальнями Светоносцев и комнатами Якорей, чтобы ночью можно было передавать короткие сигналы, не поднимая слуг и не открывая дверей. Я знал это с детства. Моя мать спала за такой стеной от отца в последние годы его жизни. Тогда я думал, что это из-за его болезни. Позже понял: из-за всего остального тоже.

Фарос прислал инструктора — женщину с гладким лицом и пальцами в чернильных пятнах. Она поклонилась мне, потом Мире, потом пластине, будто именно она была главным лицом в комнате.

— Госпоже Вейр необходимо освоить аварийную азбуку, — сказала она. — Основные сигналы: «опасность», «врач», «не входить», «нужен Якорь», «Пожар». Для Праздника также церемониальные приветствия.

— Я врач, — сказала Мира. — Если наследнику плохо, мне не нужен сигнал «врач». Мне нужно быть рядом.

— Не всегда возможно быть рядом, госпожа. Иногда рядом должен быть протокол.

Она произнесла это без жестокости. От этого стало хуже.

Инструктор открыла таблицу. Световая азбука Люмена была простой для тех, кто не пробовал пользоваться ею, когда руки трясутся. Короткая вспышка. Длинная. Пауза между бук-

вами. Двойная пауза между словами. Для каждой буквы — сочетание, которое надо было держать в голове вместе с болью, страхом и желанием не позвать лишних.

— Я сам её научу, — сказал я.

Инструктор подняла голову.

— Наследник, у дома Фарос есть сертифицированные…

— Я сам.

Мать посмотрела на меня. Она сидела у двери, хотя формально не должна была присутствовать. В этом доме Сера присутствовала даже там, где её не было: в распоряжениях слуг, в дозе золы, в том, как врач записывал отсутствие события.

— Почему? — спросила она.

— Потому что Фарос запишет не только азбуку. Он запишет, как быстро она учится, где ошибается и какие сигналы мы выбираем ночью.

— Все сигналы стандартные.

— Ночью никакие сигналы не стандартные.

Инструктор закрыла таблицу. Она не спорила. Люди Фароса вообще редко спорили вслух, они запоминали, кто отказался быть записанным.

Мира смотрела на стеклянную пластину.

— Вы умеете учить? — спросила она у меня.

— Меня учили.

— Это не ответ.

— Тогда нет. Но я умею пользоваться, когда плохо. Этого для начала хватит.

Мать встала.

— Вечером. Один час. Потом врач дома получит отчёт о пульсе.

— Кто будет писать отчёт? — спросила Мира.

— Я, — сказал я.

— Вы не врач.

— Зато я событие.

Она посмотрела на меня так, будто впервые услышала, как я называю себя тем словом, которое дом употреблял без моего участия.

Днём мать показала мне ответ Миры для Елены. Всего четыре строки: ночного входа не было, дверь закрыта изнутри, пульс наследника утром — 86, прямой угрозы дому не наблюдалось. Ни слова о том, как я звал её по имени. Ни слова о её ответе.

— Она не дописала лишнего, — сказал я.

Мать провела пальцем по краю папки — медленно, как по лезвию.

— Осторожнее, Элиан. Благодарность делает наследников предсказуемыми.

Она закрыла папку. В этом доме неотвеченные вопросы часто были точнее приказов.

Вечером я пришёл в сигнальную комнату раньше Миры и обнаружил, что кто-то уже поставил на столик чашу с золой. Не врач. Слуга. На всякий случай. Дом любил оставлять мне выбор так, чтобы отказ тоже можно было измерить.

Я убрал чашу на подоконник.

Мира вошла без стука и остановилась, увидев чашу там.

— Вы решили не принимать?

— Я решил учиться без тумана в голове.

— Если начнётся Вспышка, туман может оказаться милосерднее.

— Если начнётся Вспышка, я хочу помнить, кто меня остановил.

Она села по другую сторону стеклянной пластины. Когда думала, что я смотрю только на сигналы, тёрла запястье под браслетом. Кожа под металлом была красной.

Пластина между нами была матовой, тёплой от внутренних проводов. Когда я касался своей стороны, свет проходил не как пламя, а как бледное пятно. В детстве я думал, что люди

за стеной становятся тенями. Теперь напротив сидела женщина, которую я вчера женил на себе по контракту, и тень у неё была слишком живой.

— Начнём с простого, — сказал я. — Один короткий — «да». Один длинный — «нет». Два коротких — «слышу». Двойная пауза — конец слова.

— Это не азбука. Это согласие и отказ.

— В Люмене с них начинается всё остальное.

Она наклонила голову.

— Показывайте буквы.

Я начал медленно. А — короткий, длинный. Б — длинный, три коротких. Мои пальцы помнили лучше головы. В детстве меня учил не инструктор Фароса, а мать. Она сидела за такой же пластиной в комнате отца и передавала короткие сигналы, когда ему нельзя было говорить от боли. Тогда азбука была способом не звать слуг. Способом остаться семьёй ещё на несколько минут дольше, чем позволяла болезнь.

Мира повторяла за мной сначала неуверенно. Она путала паузы, злилась на себя беззвучно — я видел это по тому, как её тень дёргала плечом после ошибки.

— Не считайте ошибки, — сказал я. — Считайте паузы.

— Я врач. Я всё считаю ошибками, пока не докажу обратное.

— Тогда доказывайте медленнее.

Она попробовала снова. «Опасно». «Стоп». «Не входить». Последнее получилось у неё с первого раза. Я почти улыбнулся.

— У вас талант к запретам, доктор.

— У меня талант к выживанию рядом с наследниками.

— Тоже запишем в совместимость.

— Только попробуйте.

Она учила быстро. Не потому, что свет слушался её. Потому что она запоминала телом: ритм, пауза, повтор. Когда дело дошло до слова «боль», она остановилась.

— Покажите ещё раз.

Я показал.

— Если вы передадите «боль» ночью, что я должна делать? — спросила она.

— Ничего, пока я не передам следом «войди».

— А если не сможете?

— Тогда это уже не боль. Тогда «Пожар».

— Красиво. У вас даже катастрофы по старшинству.

— В этом доме всё по старшинству. Даже конец света ждёт подписи.

Она не засмеялась, но тень её головы чуть опустилась. Я понял, что она устала сильнее, чем показывала днём.

— Теперь вы меня учите, — сказал я.

— Чему?

— Дышать без вас в комнате.

Пластина между нами слегка потеплела от моего света. Это не было Вспышкой. Просто тело выдавало то, что лицо пыталось удержать.

Мира помолчала.

— Положите ладонь на стекло, — сказала она.

Я положил правую. Трещина между пальцами отозвалась болью.

— Не считайте свет, — сказала она. — Считайте воздух. Вдох — четыре. Задержка — два. Выдох — шесть. Если выдох короче, вы снова пытаетесь всё удержать.

— А если я не пытаюсь?

— Тогда вы спите, наследнику. Это не про вас.

Теперь я почти улыбнулся по-настоящему.

Она дышала вместе со мной. Я не видел её лица, только тень и слабое движение плеч за матовым стеклом. Вдох. Два. Три. Четыре. Пауза. Длинный выдох, от которого свет во мне перестал искать трещины и стал просто теплом.

— Ещё раз, — сказала она.

— Вы всегда такая милосердная?

— Я всегда такая методичная.

Мы дышали. Комната постепенно перестала быть сигнальной. Она стала местом, где двое людей сидят по разные стороны стены и делают вид, что это урок.

Потом я показал ей имена. В азбуке имена передают полностью, если говорит Реестр. Дом Аурель на церемониях тоже требует полных форм. Но в семье, когда свет слаб и каждая вспышка стоит боли, имена сокращают. Мать учила меня этому до того, как дом начал учить меня титулам.

Она называла отца не «Каэль» в темноте. Она передавала короткий знак: «дом». Меня — не «Элиан», если я горел и не мог отвечать. Коротко. Одним ударом меньше. Так, чтобы имя не требовало сил.

Я не собирался показывать это Мире.

Я передавал обычное: «Мира». М — две длинные. И — короткая, длинная. Р — длинная, две короткие. Потом должен был быть А — короткий, длинный. Палец сам остановился раньше.

Получилось: «Мир».

В реестре такой формы не было. Я знал это точно: однажды, в двенадцать лет, я искал её сам — среди сокращений, пометок и допустимых обращений. Нашёл только номера.

Слово и имя одновременно. Короткая форма, которой не было в Реестре. Форма, которой мать звала своих, когда не хотела будить дом.

Я тут же добавил последний знак.

— «Мира», — сказал я вслух, слишком быстро. — Полная форма.

За стеклом стало тихо.

— Вы сначала передали другое, — сказала она.

— Ошибка.

— Какая?

— Неважная.

— Если бы была неважная, вы бы не исправили так быстро.

Я убрал руку от пластины. Свет погас. В темноте без него стало легче врать, но она уже научилась слушать паузы.

— Моя мать сокращала имена в темноте, — сказал я. — Для своих. Чтобы не тратить свет.

— И вы сократили моё случайно.

— Да.

— Как ошибка в азбуке или как ошибка в классификации?

Я не нашёл ответа, который не был бы хуже молчания.

— Продолжим завтра, доктор Мира, — сказал я.

Я назвал её полной формой. Громче, чем надо. Как будто можно было вернуть слову официальный вес, если произнести его при свидетеле, которым была только стена.

Она встала. Я слышал, как стул скрипнул по полу.

— Завтра вы передадите «Мир», если захотите позвать без Реестра, — сказала она. — И «Мира», если будете делать вид, что это урок.

Дверь закрылась.

Я остался один в сигнальной комнате, с чашей золы на подоконнике и рукой, которая болела от простого тепла стеклянной пластины.

Ночью свет поднялся не резко. Сначала мне приснился похоронный зал. Отец лежал в стеклянном гробу, а писарь всё читал причину смерти, только вместо «сердце» повторял моё имя. Каждый раз, когда он произносил его, трещины на моих руках становились шире. Я проснулся от того, что подушка была горячей.

Комната тонула в слабом сиянии. Не Пожар. Ещё нет. Но уже достаточно, чтобы слуга в коридоре заметил свет под дверью и пошёл за врачом.

Я сел. Чаша с золой стояла там, где я её оставил: на подоконнике. Полная. Доступная. Дом предлагал мне забыться и не беспокоить жену в её законно закрытой комнате.

Рука сама поднялась к сигнальной пластине у кровати.

Я не стал звать голосом. Не стал стучать в дверь. Не стал делать то, что делал вчера, когда у неё ещё было право не услышать.

Я передал: «Слышишь?»

Пауза.

Прежде чем пришёл ответ, я услышал, как за стеной скрипнула её кровать. Один раз. Потом ещё. Она не спала. За стеной шевельнулась тень. Потом короткий ответ: «Да».

Я закрыл глаза. Стыд был почти таким же сильным, как облегчение.

Я передал: «Боль».

Она не ответила «войди». Не открыла дверь. Не нарушила собственный замок. Вместо этого из-за стены пришёл ритм: короткий свет, пауза, длинный, пауза — не буквы. Счёт.

Вдох. Два. Три. Четыре.

Я положил ладонь на тёплое стекло и стал дышать.

Выдох — шесть. Ещё раз. Ещё.

Свет не исчез. Он перестал рваться наружу. Стал низким, ровным, почти незаметным за матовой пластиной. Я слышал, как Мира за стеной дышит вместе со мной. Не рядом в комнате. Не в постели. Не по контракту. За стеной, которую сама выбрала не открывать.

Когда я понял, что могу заснуть, я всё равно испугался.

Не того, что дом измерит и это. Я испугался, что ей будет достаточно стены. Что она не захочет открыть дверь даже тогда, когда я перестану быть событием.

Но чаша с золой так и осталась полной.

А я впервые за много лет заснул без неё.

Утром чаша на подоконнике была чиста и пуста. Кто-то вылил золу, сполоснул металл и поставил чашу обратно, не записав милосердия в ночной отчёт. Я не стал спрашивать, кто. В этом доме о таких вещах не спрашивают вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.